

ЧИТАЙТЕ В СЕРИИ
«ИСТОРИЯ В РОМАНАХ»:

«МАСТЕР САХАРНОГО ДЕЛА»
МАЙТЕ УСЕДА

«В ЦАРСТВЕ ПЕПЛА И СКОРБИ»
КЕННЕТ У. ХАРМОН

«ДОЧЕРИ СЛУЖАНКИ»
СОНСОЛЕС ОНЕГА

M A Y T E U C E D A

EL MAESTRO
DE AZÚCAR

М А Й Т Е У С Е Д А

МАСТЕР
САХАРНОГО
ДЕЛА

АЗБУКА

Москва

УДК 821.134.2
ББК 84(4Исп)-44
У74

El maestro de azúcar

By agreement with Pontas Literary & Film Agency.

Перевод с испанского *Анны Егорцевой*

Дизайн обложки *Валерии Кольшевой*

Уседа, Майте

У74 Мастер сахарного дела : роман / Майте Уседа; [пер. с исп. Егорцевой А.]. — М. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2025. — 512 с. — (История в романах).

ISBN 978-5-389-25656-9

Конец XIX века. Куба. Пристанище обездоленных коренных жителей, удалых искателей приключений и всякого рода бизнесменов, нагрянувших с другого конца света, чтобы подзаработать денег. Земля, на которой схлестнулись старые тайны и новые начинания, пропитывая воздух запахом табака, пороха и мелассы и создавая неповторимый колорит.

Это история Мар и Паулины – двух юных испанок. Их жизни были совсем непохожими друг на друга. Ведь Мар мечтала пойти по стопам отца и стать врачом, а Паулина, молодая вдова, еще смела надеяться на простое женское счастье.

Казалось бы, что могло переплести их судьбы?

Но хватило лишь приглашения с кубинской асьенды, в котором семье Мар предлагают перебраться на Кубу, чтобы держать при асьенде свою клинику, а Паулине – стать женой самого мастера сахарного дела... Так и начинается это полное страстей, тайн и перипетий приключение в стране, вот-вот готовой начать сражаться за свою независимость.

УДК 821.134.2
ББК 84(4Исп)-44

© Mayte Uceda, 2024

© Егорцева А., перевод на русский язык, 2025

© Издание на русском языке, оформление

ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2025

Издательство АЗБУКА®

Моим родителям — за счастливое детство, музыку и книги.

Энолу — потому что я очень сильно тебя люблю.

И Луису Анхелю: ты — маяк среди моих штормов.

Лишь тот, кто любит тебя, не воспользуется твоей слабостью.

Теодор В. Адорно

Рыба начинает думать, очутившись в садке.

Африканская пословица

ПРОЛОГ

Куба, Санта-Клара, август 1986 г.

Открою тебе истину: все когда-то были молоды, но не все состарились раньше срока.

Много лет тому назад эти слова произнесла Ма Петрония, сидя над деревянной плоской, пропитанной горячей куриной кровью. Урожденная африканка, днем она исповедовала христианство, а ночью — вуду, и в негритянском бараке, что в асьенде «Дос Эрманос», занималась знахарством и предсказывала будущее. Спала она во мраке вырытой в земле ложбинки, вцепившись в спиритическую доску, по которой толковала пророчества.

С тех пор прошло девяносто лет, и только сейчас я наконец понимаю, что к чему; как давно я состарилась, а все будто бы созреваю. Еще один плод долгожительства: чем дольше я на этом свете, тем прекрасней мне кажется жизнь.

Под руку с правнучкой Лус-Дивиной я направляюсь в прихожую. Она невзлюбила свое имя¹ с тех пор, как вступила в ряды чванных революционеров. Я зову ее Луди. Ей нравится Лус. Вот только ей невдомек, что в моем возрасте проще подхватить заражение крови от заусенца и умереть, чем отучиться от старых привычек.

В прихожей меня дожидается какой-то юноша. Стоя. С диктофоном в правой руке, с газетой — в левой. На плечах — рюкзак. Едва взглянув на него, угадываю его сомнения: в состоянии ли я вести разговор. А я, напротив, задаюсь вопросом, выжил бы он, не будь в его детстве ни прививок, ни пенициллина. Теперь никто об этом не задумывается, а вот в наше время за жизнь приходилось неустанно бороться.

При виде меня его глаза округляются. Смотрит на меня, как на вековую черепаху, высунувшую из-под панциря нос. Вглядываюсь в него. Черной расы. Среднего роста. Худощавый. В серых штанах и белой рубашке. Точно дитя на воскресной мессе.

«Умер бы от дизентерии, не дотянув и до пяти», — заключаю я.

Смотрю на Луди — она ему улыбается. Затем переводит взгляд на меня. Представляет меня, словно драгоценность — из тех, что хранят в шкатулке. Я не улыбаюсь. Улыбку нужно заслужить. Это одна из вольностей, данных возрастом: мне претит быть обходительной с теми, кто даже не пытается проявить учтивость в ответ, а этого херувима я пока и знать не знаю.

---

¹ Лус-Дивина (исп. *Luz Divina*) — Свет Божий. (Здесь и далее примеч. пер.)

По газете у него в руке догадываюсь, что сюда его привела вчерашняя статья. Какой-то репортер соизволил разыскать старейших людей Санта-Клары, и мою фотографию напечатали на первой полосе вместе с двумя другими долгожителями, еще древнее меня. Мы втроем — свидетели былых времен со взглядом столетней черепахи.

Кинтину Мойеру уже за сто четыре. Мануэлю Луне вот-вот исполнится сто три. Месяц назад, в июле, в День национального восстания, я задула единственную свечу, ознаменовавшую собой все радости и невзгоды моих ста двух лет. Выходит, из нас троих я самая младшая; а мне — Бог свидетель — уже и позабылось, каково это — чувствовать себя моложе других.

В газете под моей фотографией значит: «Мария Гримани отработала в больнице Сан-Хуан-де-Диос, Санта-Клара, более двадцати лет». Также там говорится, что я — первая в стране женщина-врач, хотя это не совсем так.

Приглашаю юношу присесть на плетеное кресло, стоящее в прихожей. Это уютное местечко с видом на улицу. Стены облицованы белой плиткой и изразцами с синими арабесками, а тропические растения своими огромными листьями украшают все четыре угла. Уже ощущается полуденный зной, и я прошу Луди принести нам кувшин натурального лимонада, сдобренного ромом, колотым льдом и несколькими листочками садовой мяты.

Когда мы остаемся вдвоем, юноша представляется:

— Эстебан Мартин. Ужасно рад познакомиться с вами, сеньора Мария. Как ваше самочувствие?

— Это вы из-за старости моей спрашиваете?

— Нет, сеньора. То есть, если честно, да.

От его простосердечия уголки моих губ сами ползут вверх. Эту улыбку он заслужил.

— Спасибо, здравствуем. Час мой еще не пробил. Так что не волнуйтесь, до смерти я вас не перепугаю. Мне передали, что вы хотели меня видеть. Говорите зачем.

— Я студент, сеньора. Сейчас участвую в одном университетском исследовании, посвященном... Посвященном рабству, условиям, в которых жили невольники в хижинах при сахарных заводах, и...

— Тьфу ты. Я уж было подумала, что вы меня о моей работе хотели расспросить. То-то, смотрю, юнец-юнцом.

Несмотря на темный цвет кожи, замечаю, как у него к лицу приливает кровь.

— В смысле, об этом, конечно, тоже можно поговорить. Наверное, в те годы женщине было непросто...

— Непросто бишь... — Поправляю повязанный на шею платок. — Значит, непросто?

— Вы не против, если я включу диктофон? Чтобы точно ничего не упустить из вашего рассказа.

— Включайте что хотите. — Пока он устанавливает на разделяющем нас столе диктофон, я обращаюсь к нему: — Можно задать вам один вопрос? Так, из чистого любопытства.

— Конечно. И зовите меня Эстебан.

— Как пожелаешь. Красивое у тебя имя. Будь у меня сын, я бы нарекла его Эстебаном, лишь бы звать его Эстебита. Правда, родилась у меня одна-единственная дочь. Как славно звучит. Не находишь?

— Мне даже в голову не приходило.

— Еще бы. Довольствуйся юность раздумьями вместо чувств, жизнь прошла бы даром. Замечательная пора. Сердце бьется с такой силой, что уверяешься в собственной непобедимости.

Замолкаю, чтобы вернуться к нити беседы, но уже не помню, к чему вела.

— Вы хотели у меня что-то спросить, — с толикой разочарования в голосе подсказывает мне Эстебан, полагая, что память моя слаба.

— Что-то спросить... Ах да, спросить. Я хотела узнать, как там мои сверстники поживают, Кинтин и Мануэль? В здравом уме?

Он ненадолго задумывается.

— Не очень-то, сеньора.

— Стало быть, сюда ты пришел в последнюю очередь.

Снова молчание.

— Что-то не так?

— Выходит, ты выбрал их, потому как женские воспоминания менее значимы. Менее достоверны. Считаешь, что их переживания существенней моих?

Он смотрит на меня, и я вижу, как у него на шее заходило адамово яблоко. Сглатывает.

— Мне уйти?

— Не выдумывай. Видишь ли, я на дух не переношу подобные предрассудки. — Слегка подавшись вперед, я словно по секрету ему отвечаю: — Хотя мне будет жутко приятно доказать тебе, как ты ошибаешься.

Его взгляд меняется, веселеет. Когда он усаживается, входит Луди с парой стаканов и кувшином лимонада на подносе.

— Мне остаться с вами, бабушка? — спрашивает она, ставя поднос на стол.

— Нет, дочка, ступай, только передай Кайите, пусть подаст к обеду на одну тарелку больше. Нам с этим молодым человеком есть о чем потолковать, и быстро мы, боюсь, не управимся. — Перевожу взгляд на него. — Хочешь пообедать с нами?

— Я вам не помешаю?

— Ни в коем случае, — соловьиной трелью заливаются Луди, строя ему глазки.

— Тогда я согласен.

Чересчур пышно начесанная Луди, неспешно покачиваясь, направляется к дверям. По-прежнему расплываясь в улыбке, Эстебан смотрит ей вслед. В его глазах — непрестанная тоска по недостижаемому, проблеск надежды на то, что, может, когда-нибудь сбудется, а может, не сбудется никогда. Непостижимая тайна будущего.

Наблюдаю за ними в оба. Она оглядывается, желая убедиться, что он не отвернулся, и одаривает его новой улыбкой, пожевывая резинку. Вздыхаю. Должно быть, ровесники.

Долетающий с улицы ветерок освежает прихожую. С собой он несет фруктовые ароматы, перебиваемые дымом, исторгаемым машинами и мотоциклами. Когда-то улицы пахли фруктами, конским навозом и потом. Сейчас уж и не услышать топота запряженных в кабриолетки и двуколки лошадей, да и от людей больше не веет людским. Примечательно, что человек — единственное существо, которому претит собственный запах.

Эстебан разливает по стаканам лимонад. Снаружи раздаются голоса прохожих, гул моторов и восклицания торгующего неподалеку фруктовщика.

— Манго сочные, спелые, сладкие! Подходи, не зевай, торопись, покупай!

Отпив глоток, вполслуха бранюсь, что Луди поскупилась на ром. Эстебан смотрит на меня с недоумением.

— Моя правнучка страсть как опаслива, — поясняю ему. — Этому лимонаду для вкуса не хватает духу. А она боится подсобить смерти одолеть меня одной рюмкой. Откуда ей знать, что костлявая — охотница своевольная: нет собак — берет кошек. Могу дать тебе один совет?

— Будьте добры, — отвечает он и, сосредоточенный, наклоняется, опустив на колени руку.

— Доживешь до моих лет — не давай собою распоряжаться. Хоть сто, хоть сто три — там уже все равно. Тогда только и должно заботить, что умереть, ети его, счастливым. Мне ром память возвращает, усаживает ее рядом, чтобы мы, как старые кумушки, вдоволь посудачили. Ладно, пускай. Так о чем это мы?

— О вашей учебе. Я сказал, что, наверное, было не просто.

Снова ему улыбаюсь. Он внимателен к каждой мелочи, а о человеке ничто лучше не говорит, как способность подстроиться под собеседника.

— Еще бы. Но надежды мои были так велики, что ни издевки, ни бессердечие не сбили меня с пути. Я отучилась, не тронув и пальцем ни одного трупа. Ты не ослышался. Мне не дали набивать на них руку. А еще мне запретили видеть живых голыми. Так, получив диплом, я вернулась в Санта-Клару и открыла свою приемную, куда, конечно, никто не явился. Целый год я присидела за столом, наблюдая за тем, как

мухи гадили на стекло, под которым хранилось удостоверение.

— Понимаю. Полное отчаяние и безнадежность.

— Так и было. Пока у одной соседки не начались роды — из тех, что не терпят отсрочки. Тогда-то ко мне и обратились. С тех пор работы хватало всегда, пусть и видели во мне лишь *повитуху*. Пять лет я обхаживала одного новорожденного за другим, и мало-помалу со мной стали считаться — скорее из нужды, чем по доброй воле: я позволяла платить мне по их усмотрению. Суровые были времена. Дети строгости... Специальностей тогда не знали, и специалистами в чем угодно нас делала смелость. Аутопсии, например, я научилась, когда впервые осмелилась вскрыть труп. А дальше, как говорится, знакомая дорога короткой кажется.

— Затем вы устроились в больницу Сан-Хуан-де-Диос.

— Ты, молодой человек, только что одним махом выбросил пятнадцать лет моей жизни, ну да ничего: за твою внимательность и попытку изобразить интерес я тебя прощаю. Так все и было. В больнице я работала гинекологом. Ладно, не буду утруждать тебя своими делами. Ты хочешь знать, что произошло задолго до этого, даже до Войны за независимость, я права?

— Совершенно верно, сеньора. Меня интересует общий уклад жизни в асьенде. Ваша правнучка сказала, что вы жили при сахарном заводе «Дос Эрманос». Рабства тогда уже не было, но с момента его отмены прошло всего ничего. В книгах говорится, что изменения протекали очень медленно, особенно в отношениях между хозяевами и невольниками. Они, я слышал,

не знали, ни что делать со своей свободой, ни каково это — быть свободными.

Речи Эстебана пылки. Я вижу в нем жажду знаний, и меня это трогает. Пытаюсь определить, к какой из известных мне народностей, по которым различались существовавшие в ту пору при сахарных заводах кабильдо¹, он принадлежит: мондонго, карабали, сапе, мандинга, конго... А в курсе ли он сам, кто его предки?

— Все так. Они не знали, что делать с дарованной им свободой. Да и откуда они могли знать, когда она была им неведома? Только рожденные в Африке помнили, чем пахнет воздух свободы родного края. Помню их горькие слезы тоски. А вот остальные... Всякого хватало. Рожденные рабами, одни не могли вынести свободы. Другие же сбегали в горы и, прячась в пещерах и гротах, добывали себе на пропитание грабежами и разбоями. Таких называли беглыми, или симарронами. Так себе свобода.

Эстебан доволен услышанным. По его выражению лица догадываюсь, что он нашел нужную ему нить, которая выходит за рамки холодных, словно ледники, исторических архивов. Только что в нетронутых залежах памяти вековой старухи он обнаружил живую, настоящую историю. Кровь, сердце и живот — а больше в мои годы мне ему предложить нечего.

Ему уже не терпится.

— Можем начать с самого начала? — спрашивает он. — Будьте добры, расскажите все, что помните, вплоть до мельчайших подробностей.

---

¹ Кабильдо (исп. *cabildo*) — африканские этнические объединения, братства.

— Так даже лучше, — отвечаю ему. — Эта история берет свое начало не на нашем острове, а в далекой Испании, сражавшейся за последнюю жемчужину своей истерзанной империи. Эта крупнейшая на Антилах земля залечивает раны прошлого танцами, сантерией и новыми революциями, толку от которых мало.

Эстебан хмурится.

— Да не смотри ты на меня так, — продолжаю. — Я буду говорить, что думаю, а не хочешь меня слушать — никто тебя здесь силой не держит. Мы, люди, должны тянуться к правде прежде, чем к какой бы там ни было идеологии. Правда всегда одна, а идеологии постоянно меняются. Сегодня люди гибнут за принципы, которые через полвека не будут значить ровным счетом ничего. Какая бессмысленная смерть, не находишь?

Пользуясь возникшей тишиной, я отпиваю глоток лимонада. Он следует моему примеру. Голоса тех, кто поведал мне свою историю, выстраиваются в единую цепь. Сначала ощущаю холод северной зимы. Затем — морской бриз, гуляющий по палубе корабля, пересекающего бескрайние просторы дивного океана. Паровые двигатели завода обращают свой ход вспять. Вокруг пахнет мелассой, сахарным тростником и навозом. Лихие всадники объезжают верхом заводские земли. Африканские песни, сопровождаемые взрывами барабанов, рвутся в высь тропического неба в надежде, что ветер донесет их до родины их предков. Из негритянского барака раздается крик новой жизни.

Девочка.

Она пришла на этот свет терпеть мужские прихоти.

Открыв глаза, я смотрю на Эстебана. А в мыслях — сплошь женские лица.

ГЛАВА 1

Север Испании. Коломбрес. Апрель 1894 г.

Почтенный отец Гало!

Нашему мастеру сахароварения нужна жена. Как найдете, прошу вас прислать ее портрет. По приезде, который — дай-то бог! — состоится уже в конце года, обязуюсь оплатить все траты. При выборе помните про суровость тропического климата: ищите девушку здоровую, с блестящими волосами, крепкими ногтями и целыми зубами. На последнее обратите особое внимание, ибо, как известно, через гниль во рту вселяются бесы.

Спешу вас осведомить, что кристаллы наивысшего сорта можно получить именно благодаря мастерству сахароваров. Степень очистки они определяют при помощи чувств: обоняния, осязания и слуха. Целое таинство, делающее их исключительными и незаменимыми, не правда ли?

Дом Виктора Гримани — так зовут нашего мастера — один из лучших в асьенде, с великолепным садом и несколькими дворовыми в подчинении, а потому я возлагаю на вас надежду, что вы найдете девушку под стать.

На том прощаюсь. Жду вашего ответа.

Фрисия Нориега

«Дос Эрманос», март 1894 г.

После обеда воля отца Гало пала под тяжестью бременного мира. Наевшись досыта и рухнув на стол, где покоился бокал вина, он безмятежно очнулся после

двадцатиминутной духовной праздности. И первое, что обнаружили его заспанные глаза, было письмо от Фрисии Нориеги, которое он по-прежнему держал в руке.

«Господи, помилуй!» — взмолился он в борьбе с вялостью духа, одолевающей в ранние послеобеденные часы, боясь впасть в беспросветную леность, служащую источником всех грехов и пороков.

Он опустил письмо на стол и, поднявшись, неуклюже потянулся в намерении размять косточки и воспрянуть духом. Затем подошел к буфету и налил себе рюмочку животворящего ликера, сохраняющего тепло и оберегающего плоть от нравственного раствления.

С рюмкой в руке он принялся размышлять о кубинских сахароварнях — крупных промышленных узлах, обогативших за последние десятилетия немало сынов родины. Одним из таких богачей был Педро Вийяр, супруг Фрисии Нориеги и владелец асьенды «Дос Эрманос», находившейся на далеком острове Кубе — заморской колонии Испании.

В стране, доведенной до отчаяния войнами, отсталой системой земледелия и избытком населения, преуспеть можно было, лишь подстроившись под политику, поощрявшую заморскую эмиграцию. Одинокие, полные скорби молодые люди покидали площади Испании, спасаясь от обязательной военной службы, овладевавшей их жизнями больше, чем на десятилетие. Отец Гало исповедовал и благословлял их все на той же площади, возле стоявшего рядом дилижанса, отвозившего их затем на вокзал или в ближайший порт. Уезжали они с ветхим

чемоданишко в руке, узелком на плече и тоской в груди. А годами позже, возмужав и желая обзавестись семьей, в поисках жены они вновь обращали свой взор к родным краям.

Этим и был опять занят отец Гало, хотя с каждым разом найти невесту, готовую выйти замуж за незнакомца, становилось все труднее.

Думы его пали на дочь местного врача в Коломбресе, Мар Альтамиру. Она была образованна и вполне себе элегантна. Одинока, хотя и было ей уже около тридцати. Доктор Хустино как-то признался, что, родись она мальчиком, Мар бы стала достойным врачом. Дни напролет она проводила с отцом, ставя — Царю Небесный! — клизмы, беря образцы мокроты, леча гнойные раны, вправляя кости и снимая приступы колики. В народе даже поговаривали, что как-то раз она попросила юного столичного франта, одетого по французской моде, для выявления заболевания показать ей язык.

Отец Гало вздохнул. Если не брать во внимание подобные недостатки, то сеньорита Мар была статной, стройной и обладала сдержанным нравом. На всякие сплетни, хулившие ее за мужеподобие, она не обращала ни малейшего внимания, потому как в деревнях подобных рассказней хватало на всех, и если уж ей и впрямь не хватало женской сладости, что так ценится мужчинами, то, верно, своими умениями мастер сахарных дел сможет ее капельку подсластить.

Посмеявшись над собственной шуткой, отец Гало решил следующим утром пойти к доктору Альтамире с предложением.

Литературно-художественное издание
Әдеби-көркем басылым

Майте Уседа

МАСТЕР САХАРНОГО ДЕЛА

Ответственный редактор *Д. Захарченко*
Художественный редактор *В. Кольшева*
Технический редактор *Л. Ситицына*
Корректоры *Е. Бударгина, В. Алексина*
Верстка *Л. Харченко*

В оформлении обложки использованы иллюстрации:

© Here / shutterstock.com

© Larisa1 / shutterstock.com

© Shutterstock.AI Generator / shutterstock.com

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 28.02.2025.

Формат 84 × 108^{1/32}. Гарнитура «Petersburg».

Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 26,88.

Тираж 3000 экз. Т-НІВ-34628-01-Р. Заказ №

Изготовитель:	Өндіруші:
ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус» – обладатель товарного знака Азбука 115093, Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский, пер. Партийный, д. 1, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru	«Издательская Группа «Азбука-Аттикус» ЖШҚ – Азбука тауар белгісінің иесі 115093, Мәскеу, қ. ш. аум. Даниловский муниципалдық округі, Партийный т.ш., 1-үй, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 Эл. поштасы: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус» в г. Санкт-Петербурге 191024, Санкт-Петербург, Херсонская ул., д. 12–14, лит. А Тел.: (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru	Санкт-Петербург қаласындағы «Азбука-Аттикус» Баспа Тобы» ЖШҚ филиалы 191024, Санкт-Петербург, Херсон көшесі, 12–14 үй, лит. А Тел.: (812) 327-04-55 Эл. поштасы: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru
Отпечатано в России.	Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін
растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады:
<http://atticus-group.ru/certification/>.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)

Ақпараттық өнім белгісі (29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

